

крестьянский торг. Влияние этих явлений в значительной мере нейтрализовалось частно-феодальным правом и круговой порукой в общине. Но чем более общины «воспринимали новые отношения и приспособлялись к ним, тем более оказывались «подготовленными» к утверждению капиталистического пути развития деревни» (стр. 318). С этим выводом автора следует полностью согласиться, ибо нарастающие противоречия феодального строя общины отражали как социально-хозяйственные ячейки, объединявшие главную массу непосредственных производителей страны.

В заключение автор подчеркивает, что «сущность сельской общины заключалась в ее общественном и хозяйственном дуализме» (стр. 314). Это важное марксистское положение глубоко обосновано в работе. Именно дуализм общины, а не ее функциональное значение обусловил длительность существования и живучесть этого социального организма в специфических условиях аграрной России.

Остается пожелать автору продолжить исследование сельской общины в России на следующем этапе ее эволюции, в период кризиса крепостничества, чтобы показать не только внутренний строй, но и место ее в классовой борьбе крестьянства.

В. М. Вазжинский

Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В. К. Гарданова. Нальчик, 1974, 634 стр.

Публикация источников — всегда большой вклад в науку. Тем более — публикация фундаментальная, строго научная, дающая новый и ценный материал по малоизученным эпохам и проблемам. Именно такова рецензируемая книга, составитель и редактор которой — В. К. Гарданов — сумел сделать ее по сути дела академическим изданием.

Значение нового свода источников трудно переоценить, особенно сейчас, когда развернулась работа по написанию региональной истории Северного Кавказа и первостепенное значение приобрел вопрос о ее источниковедческой базе. За последнее время опубликован ряд сборников архивных документов, в том числе по истории Кабардино-Балкарии¹, однако при всей своей содержательности они не заполняют многих лакун в наших сведениях о народах этого края. Необходимы и другие источники, и среди них одно из самых видных мест принадлежит как раз известиям иностранных, в частности европейских, авторов.

Как справедливо отмечает во «Введении» к книге В. К. Гарданов, известия иностранных авторов являются одним из важнейших источников при изучении истории любого народа, но особое значение они имеют для бесписьменных народов или же для бесписьменных периодов их истории. Это в полной мере относится к горским народам Северного Кавказа, прошлое которых подчас может быть освещено лишь с помощью данных, представленных в рецензируемом своде. Важна, особенно в историко-этнографическом отношении, и другая черта этого типа источников: путешественники-иностранцы, впервые попадая к неизвестным народам, часто подмечали такие детали, мимо которых проходили близкие соседи.

Рецензируемая книга — итог огромного источниковедческого труда по выявлению ценнейших известий, редактированию их переводов и научной оценке текстов. В прошлом в научный оборот были введены лишь сравнительно немногие сообщения европейских авторов; еще меньше их было переведено на русский язык, причем главным образом в «Записках Одесского общества истории и древностей» и других периодических изданиях, давно ставших библиографической редкостью и совершенно недоступных широкому кругу исследователей. Переводы часто оставляли желать много лучшего, сведения об авторах — столь важные для оценки информативности источников — давались лишь эпизодически. Наконец, отдельные, разрозненные публикации, естественно, не могли дать общего представления о росте историко-этнографических сведений об адыгах и центральнокавказских тюрках и делах затруднительным сопоставление этих сведений, опубликованных к тому же на многих европейских языках. Совершенно иные возможности открывает в этом отношении рецензируемая книга.

Изучив произведения более чем 120 авторов, В. К. Гарданов отобрал из них 36, оставивших наиболее важные и достоверные известия. Следует отметить, что две трети этих известий опубликованы на русском языке впервые. При отборе преимущество отда-

¹ «Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в.» (собрал и подготовил к печати Б. А. Гарданов). Нальчик, 1956; «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах». М., 1957; «Документы по истории Балкарии» (составитель Е. О. Крикунова). Нальчик, 1962.

валось тем авторам, которые, как Джорджио Интериано, сами посетили Северо-Западный Кавказ, либо, как Жан Баптист Тавернье, узнали о нем из первых рук.

Широкие хронологические рамки публикации (XIII—XIX вв.) позволяют проследить, как расширялись и углублялись сведения западноевропейских авторов о Черкесии и ее народах по мере проникновения на черноморское побережье миссионеров и дипломатов, купцов и ученых.

Сведения XIII в. кратки — это повествование римско-католического миссионера Юлиана, который отправился с товарищами на поиски прародины венгров и посетил землю зихов и алан накануне завоевания Северного Кавказа монголами. Он дает уникальные сведения об Алании, «где жители представляют смесь христиан и язычников», и о зихах — предках адыгов, князья которых не считают себя подчиненными один другому. К несколько более позднему периоду относятся сведения еще одного автора XIII в., французского монаха Вильгельма Рубрука, который был французским послом в Монголии и по дороге туда посетил Крым и Северный Кавказ. Всего на три десятилетия позже Юлиана был он на Северном Кавказе, но, как видно из его слов, там произошли за это время радикальные перемены в расселении народов, явившиеся результатом монгольского нашествия. Автор сообщает о продолжающейся борьбе местного населения «против татар».

Значительно полнее сведения об адыгах и других народах Северного Кавказа у итальянских авторов XV в. — посла Венецианской республики Иосафата Барбаро и генуэзского путешественника Джорджио Интериано. Они различают среди адыгов отдельные народы, выделяя в частности кабардинцев, пишут о богатстве кавказских земель и воинственности их обитателей. Интериано дает первые сведения о сословном делении населения на знатных и вассалов, сервов и рабов, показывает зависимость вассалов от знати.

Из авторов XVII—XVIII вв. Черкесию посетили доминиканские монахи Эмиддио Дортелли д'Асколи и Джованни Лукка, оставившие много заслуживающих внимания этнографических сведений об адыгах. Остальные авторы этого периода — Мартин Броневский, Жан Баптист Тавернье, Николай Витсен и другие — сами не бывали в Черкесии и писали о ее населении с чужих слов. Поэтому их произведения не так точны и ценны, но определенный материал содержат и они.

Если западноевропейским авторам XVII—XVIII вв. были уже довольно хорошо известны приморские адыги, то народы Центрального Кавказа все же оставались почти вне сферы их внимания. Первое упоминание о карачаевцах у западноевропейских авторов встречается в сочинении Арканджело Ламберти «Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией, в котором говорится о происхождении, обычаях и природе этих стран». Автор пытается дать объяснение этнонима карачаевцев, или «карачеркесов», которые так называются «не потому, что они черного цвета, ибо они очень белые, но, может быть, оттого, что в их стране небо постоянно облачное и темное» (стр. 60). Язык карачаевцев он справедливо отнес к тюркской группе, но в отношении их этногенеза выдвинул бытовавшую и позже ошибочную гипотезу о происхождении карачаевцев от гуннов (стр. 60).

С конца XVIII в. состав путешественников изменяется. Это уже не только миссионеры и купцы или политические деятели, но и специалисты, ученые. Особенно интересны работы ученых — академиков Российской Академии наук Иоганна-Антоня Гюльденштедта, Петра-Симона Палласа, Генриха-Юлиуса Клапрота. Хотя эти ученые и их работы лучше известны советским исследователям, чем названные раньше средневековые авторы, но и эти публикации представляют большой интерес. Даже для XIX в., уже значительно полнее освещенного в литературных источниках, В. К. Гарданов сумел найти новые — и, что особенно ценно, архивные — материалы. Это прежде всего «Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа» генерал-лейтенанта русской армии И. Ф. Бларамберга.

Можно спорить о том, относится ли И. Ф. Бларамберг к иностранным авторам только на том основании, что он родился во Франкфурте-на-Майне, а писал на французском языке, прослужив всю жизнь в России, но его труд, хранящийся в Центральном государственном военно-историческом архиве, в фонде ВУА, представляет чрезвычайно большую ценность. Это настоящая энциклопедия. В ней содержатся данные о расселении и хозяйстве кубанских черкесов, кабардинцев и балкарцев, их материальной и духовной культуре, дан анализ их классовой структуры и их обычного права, описаны способы ведения войны и воспитания детей. Несомненный исторический интерес представляют приведенные здесь имена наиболее знатных представителей этих народов.

Одна лишь публикация труда И. Ф. Бларамберга уже была бы большим вкладом в советское источниковедение. Но далее помещены также очень ценные для кавказоведов, нигде прежде так полно не публиковавшиеся, дневники английского агента Джеймса Белла, посетившего Черкесию в бурный период тридцатых годов XIX в. Отрывки из книги корреспондента лондонской газеты «Таймс» Дж. А. Лонгворта «Год среди черкесов» также освещают многие спорные вопросы политического и общественного строя черкесских народов.

В рамках рецензии нет возможности показать все разнообразие и богатство историко-этнографических известий, сведенных в данной публикации. Оценить их можно, только прочтя книгу. Однако хотелось бы еще раз подчеркнуть, что перед нами не просто издание свода источников, но проделанный его составителем и редактором В. К. Гар-

дановым большой исследовательский труд. Именно такой характер имеет прежде всего открывающая книгу большая вступительная статья, в которой на широком историческом фоне дается поэтичная общая характеристика вклада, внесенного европейскими авторами в этнографию народов Кавказа. Очень содержательны и ценны также библиографические и иные сведения об авторах, даваемые во вступительных статьях к каждому из текстов. Особой тщательностью отличается научная редакция переводов, что очень заметно в тех случаях, когда те или иные тексты ранее уже переводились на русский язык. Вот лишь один из примеров старой и новой редакций перевода одного из сообщений Дюбуа де Монпере:

«...князь не мог продать крепостного, разве только за измену или вероломство, и при этом по решению суда, вынесенному на родным собранием»².

«...князь не может продать крепостного, разве что в качестве наказания за измену, или же по приговору, вынесенному племенным собранием» (стр. 445).

Как и всякая книга, рецензируемая работа не лишена недостатков. Так, например, она бы стала значительно полезнее для читателя, если бы включенные в нее тексты были снабжены специальным комментарием. Кроме того, следует заметить, что не все вступительные статьи к текстам в равной степени информативны. В частности, могла бы быть существенно расширена характеристика Белла и его дневников.

Однако частные недостатки книги ни в какой мере не колеблют ее общую высокую оценку. Не только масштабы издания, но и его научная ценность делают выход рецензируемой книги выдающимся событием в кавказоведческом источниковедении.

В заключение следует отметить тщательную и добросовестную работу переводчиков текстов — Е. С. Зевакина и А. И. Петрова, а также хорошее полиграфическое оформление книги, вышедшей в кабардино-балкарском книжном издательстве «Эльбрус».

В. П. Невская

² Ф. Дюбуа де Монпере. Путешествие вокруг Кавказа, т. I. Сухуми, 1937, с. 49.

Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975, 303 стр.

Рассматриваемый сборник содержит семь статей, объединенных единой темой — историей жилища в Восточной Европе, начиная с античности и кончая поздним средневековьем. Будучи сборником, а не коллективной монографией, он не претендует на полный охват проблемы. В нем рассмотрены жилища кочевников южнорусских степей в античности и раннем средневековье (Л. Г. Нечаева), племен черняховской культуры в Молдавии (Э. А. Рикман), обитателей той же территории в X—XVII вв. (И. Г. Хынку), археологические данные по жилищу Юго-Восточной Прибалтики в начале нашей эры (В. В. Седов), русское средневековое жилище (в VI—XIII вв. — П. А. Раппопорт и в XIII—XVII вв. — М. Г. Рабинович), наконец, некоторые вопросы истории жилища на Украине (Н. П. Приходько). В то же время следует отметить, что во всех статьях сборника соблюдается тенденция следования единой программе, общей задаче, заключающейся в характеристике материала, конструкции, планировки и функционального назначения помещений, причем авторы в той мере, в какой это позволяли источники, стремились дать реконструкцию жилища данной эпохи на данной территории, а также, там где это возможно, привести материал по ареальному распределению отдельных типов жилища.

Л. Г. Нечаева выделяет три периода в жизни кочевников, передвигавшихся из Азии в Европу. Первоначально кочевая группа мигрантов, которая не обрела еще стабильной территории, ведет круглогодичное кочевание, и жилищем ей служат крытые повозки. С установлением определенной территории и маршрутов кочевания зимовья устраиваются на одном и том же месте, но жилище остается легким, перевозным. Наконец, в результате контактов с земледельческим населением возникают полуседлость и оседлость, а с ней и стационарные жилища. Привлекая обширные летописные, изобразительные и археологические материалы, автор реконструирует жилища и образ жизни скифов и других ираноязычных кочевников Причерноморья: гуннов, болгар, половцев и других тюркоязычных кочевников, а также татаро-монголов. Наиболее важными в статье представляются два наблюдения. Одно из них то, что в Причерноморье с каждой новой волной мигрантов появлялся новый тип кочевого жилища, более ранние этапы эволюции которого проходили восточнее, в местах прежнего обитания кочевников. В Причерноморье эволюция их жилища была связана с переходом к оседлости, причем стационарное жилище долго сохраняло планировку, унаследованную от кочевого жилища. Второй важный вывод автора в том, что эти особенности планировки могут быть сведены к